

© 2009 г.

Т.В. КУДРЯВЦЕВА. Народный суд в демократических Афинах. Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: Алетейя, 2008. 463 с.

В книге Т.В. Кудрявцевой впервые в отечественной историографии подвергнут всестороннему рассмотрению народный суд (гелиэя) в демократических Афинах классической эпохи.

Во Введении содержится постановка проблемы, очерчиваются хронологические рамки исследования: от реформ Солона до утраты Афинами политической независимости после смерти Александра Македонского (VI–IV вв. до н.э.), дается краткий (пожалуй, даже излишне краткий) обзор историографии вопроса. Впрочем, историографические экскурсы присутствуют в каждой главе. Автор подчеркивает, что рассматривает гелиэю как «ключевой институт» афинской демократии и добавляет, что «народный суд наряду с народным собранием являлся важнейшим государственным органом Афин» (с. 9). С этим утверждением можно бы и согласиться, если рассматривать историю афинской демократии последних десятилетий V и IV вв. до н.э., но до 430-х годов нет определенных свидетельств о решающем значении афинских судов в системе афинской демократии.

Гелиэя – вполне самостоятельная тема, и «оправдание» ее необходимостью изучения «главной составляющей части» афинской демократии излишне. Тем более что автор и сам подчеркивает, что полный суверенитет, несмотря на все восхваления судов и судей, принадлежал всему афинскому гражданству в лице экклесии (с. 269).

Глава I «Возникновение и развитие народного суда в Афинах (VI–V вв. до н.э.)» посвящена первым двум векам существования афинского народного суда (по мнению автора). Наиболее спорный вопрос – вопрос о Солоновом гелиэе: действительно ли знаменитый законодатель озабочился ко всему прочему и созданием «народного суда». Автор возводит возникновение народного суда (гелиэи) к законам Солона. Такая точка зрения возможна, но нуждается в более солидных обоснованиях. Из полного и добросовестного обзора историографии и аргументации Т.В. Кудрявцевой (с. 18–37) можно вывести только то, что аргументы сторонников и противников солоновского истока народного суда в Афинах одинаково убедительны (или неубедительны). Сведения о судах в VI в. до н.э. разноречивы и зачастую искажены поздней традицией. Очевидны судебные функции экклесии (во всяком случае, после Клисфена), но выделить гелиэю как отдельный институт в тот период не представляется возможным. Согласно таблице, приведенной самим автором (с. 65), ни один судебный процесс даже периода 493–463 гг. не проводился однозначно именно в гелиэе. Поэтому возведение гелиэи к Солону обосновано недостаточно, и точка зрения, возводящая институционализацию отдельного от народного собрания суда к Клисфену – Эфиальту – Периклу, представляется нам как минимум не менее обоснованной.

В работе подробно рассмотрен вопрос о введении мистофории (оплаты судьям). Автор, рассмотрев и сообщения древних авторов, и точки зрения современных исследователей, приходит к обоснованному выводу о введении мистофории при Перикле, связывая ее с афинской державной политикой (с. 47–49). Особому анализу подверглись процессы 490-х – 460-х годов – против Фриниха, Мильтиада, Гиппарха, Фемистокла, Кимона. Автор приходит к выводу, что экклесия или гелиэя (гораздо реже) действовали как суд первой инстанции (с. 66), но отдельное от экклесии существование гелиэи до Эфиальта – Перикла остается, как уже отмечалось выше, автором недоказанным.

Глава II «Народный суд и судьи по комедии Аристофана» посвящена анализу тех пассажей в комедиях Аристофана, в которых упоминаются суды и судьи. В начале главы автор перечисляет подобные места, а также пересказывает сюжет «Ос». Этот аналитический пересказ – одно из самых удачных мест книги; пороки и достоинства афинского судопроизводства в восприятии комедиографа подвергнуты автором тщательному исследованию. В параграфе 2 приводится си-

стематическое описание афинского суда, основанное на сведениях, содержащихся в комедиях Аристофана, а в параграфе 3 дается характеристика, и снова через восприятие Аристофана, антигероя афинской судебной системы – доносчика-сикофанта. Подводя итог, Т.В. Кудрявцева присоединяется к «средней» точке зрения, причисляя Аристофана не к ниспровергателям демократических устоев, а к сторонникам их постепенного усовершенствования, и рассматривая «Осы» как некое предостережение. С подобным мнением трудно не согласиться.

Глава III «Дикасты и сикофанты: основные действующие лица афинской судебной системы» характеризует положение и полномочия судей-дикастов, а также доносчиков-сикофантов. Следует сразу же отметить, что, вопреки мнению автора, реальное жалование судьям уменьшалось из-за инфляции IV в. до н.э. (ср. с. 156 – недостаток средств). Смена бронзовых судебных жетонов на самшитовые косвенно свидетельствует об уменьшении расходов на судей в этот период (с. 157). Поэтому к концу IV в. должность судьи могла быть привлекательной либо для отъявленных туенядцев, либо для граждан старших возрастов (с. 157). Т.В. Кудрявцева подробно рассматривает вопрос о социальном составе судей и, опираясь на свидетельства Лисия и Демосфена, присоединяется к наиболее авторитетной в современной науке точке зрения о том, что среди них преобладали неимущие граждане (с. 169–176). Можно только присоединиться к критике автором концепции А. Джоунса о том, что в афинских судах преобладали состоятельные граждане (с. 167 сл.).

Значительное место в книге посвящено анализу сходств и различий между частными (δίκαι) и государственными (γραφαί) исками (с. 181 сл.), а также институту ὁ βουλόμενος – обвинителя по государственному иску (с. 184 сл.). Один из наиболее удачных разделов посвящен сикофантам и их деятельности (с. 188–200). Автор, вопреки мнению некоторых исследователей, отрицает какую-либо позитивную роль сикофантов, подчеркивая, что «профессиональное доносительство... было в определенном смысле и порождением античной демократии, и неизбежным злом, сопутствующим ей» (с. 200).

В главе IV «Судебный процесс в Афинах в IV в. до н.э.» автору удалось привлечь для анализа этого сюжета, хорошо разработанного в историографии, интересный источник – судебные проклятия (с. 203–207). Т.В. Кудрявцева подробно рассматривает дискуссионную научную проблему – степень применения свидетельской пытки рабов в народном суде. Она разделяет мнение ряда зарубежных ученых о том, что «вызов на пытку» был частью судебной игры, а сама судебная пытка рабов либо не применялась вовсе, либо применялась крайне редко (с. 223–224).

Т.В. Кудрявцева, указывая на предпочтение, которое греки отдавали живому слову, отмечает все же определенную тенденцию: в IV в., с переходом к письменному иску и письменным свидетельским показаниям, афинское общество стало чуть менее устным и чуть более «документированным» (с. 225). Автор указывает на взаимные вопросы и ответы обвинителя и обвиняемого на суде как на источник сократического диалога (с. 236). Может быть, эту тему стоило бы и развить. Автор заключает, что «...от судей стороны ожидали, что при вынесении приговоров они, особенно не вникая в тонкости законов и формальности права, будут оценивать участников тяжбы и ее предмет с точки зрения общественной морали, политических пристрастий и социальных предпочтений» (с. 246). Т.В. Кудрявцева справедливо подчеркивает, что отнюдь не отыскание истины было главной целью судебного разбирательства в демократических Афинах, причем огромную роль играли внеправовые аргументы (с. 249). В работе подчеркивается, что афинян привлекал в судах агональный дух (с. 259). Очевидно, именно поэтому и не повышалась плата за участие в работе суда, хотя плата за участие в работе экклесии в IV в. до н.э. повышалась неоднократно.

Т.В. Кудрявцева специально отмечает нетерпимость афинской демократии, репрессивный характер афинского законодательства даже в классическое время (не говоря уж о законах Драконта), чрезмерно широкое использование смертной казни (с. 260 сл.). Автор заявляет, что полный суверенитет в Афинах принадлежал отнюдь не дикастам, а всему гражданскому коллективу в лице народного собрания (с. 269). С этим утверждением автора трудно не согласиться; однако замечу попутно, что оно в некотором смысле противоречит пафосу всей книги.

В главе V «Политический процесс в классических Афинах: исангелия» автор подвергает рассмотрению этот вид судебного процесса, который был направлен в первую очередь против представителей «политического класса» демократических Афин. Автор показывает, как процессы по исангелии приводили к серьезным и печальным военно-политическим последствиям для Афин (процесс против Алкивиада – с. 285 сл.), либо вовсе превращались в «юридическое убийство» (процесс стратегов – победителей при Аргинусах – с. 297 сл.). Автор приходит к обоснованному выводу о том, что лавры победителя Афин при Эгоспотанах со спартанским флотоводцем Лисандром должен был разделить сам афинский демос, осудивший своих победо-

носных стратегов (с. 310). Описание и анализ процесса стратегов-победителей завершаются неким квазизаключением, в котором прямая демократия классических Афин подвергается суровой оценке, в том числе исходя из современных нам критериев (с. 311–313). Рассматривая на примере процесса стратегов-победителей противоречие между идеями суверенности народа и суверенности законов автор приходит к выводу, что «...идея народного суверенитета позволила афинскому демосу сосредоточить в своих руках как законодательную, так и судебную власть» (с. 312). С этим выводом можно согласиться, однако оценка афинской демократии с точки зрения современной либеральной демократии (с. 312), вопреки мнению автора, особого смысла не имеет.

Автор специально рассмотрел процессы по исангелии, жертвами которых стали стратеги – обычное явление для IV в. до н.э. В книге также аргументированно демонстрируется пагубность практики, при которой «...только политики отвечали за свои предложения, а народ не нес никакой ответственности за свои решения» (с. 325). Автор заключает (вслед за К. Довером и М. Хансеном), что «...прямая демократия использовала те же методы, что и тоталитарные государства» (с. 326–327). Во второй половине IV в. до н.э. процессы по исангелии становятся очень частыми, это обвинение используют и при частных исках, в результате процессы по исангелии превращаются в фарс, и этот тип обвинения исчезает из афинской судебной практики (с. 331). Здесь напрашивается сопоставление с остракизмом: во всяком случае, реакция афинского гражданства на фарсовый остракизм Гипербола была примерно такой же.

В главе VI «Политический процесс в классических Афинах: жалоба на противозаконие» продолжается рассмотрение различных видов афинских политических процессов. Автор при этом совершенно справедливо указывает на незначительность различий между постановлением народного собрания (псефизмой) и законом в Афинах в V–IV вв. до н.э. (с. 345 сл.). Автор справедливо критикует М. Хансена за его сомнительные реконструкции (с. 353–354). Т.В. Кудрявцева исследует обвинения Архина против Фрасибула и приходит к выводу, полностью противоположному заключению датского исследователя: «...события 403 г. свидетельствуют о том, что в данном конкретном случае возрожденная процедура жалобы на противозаконие стояла на страже интересов скорее радикальной, чем умеренной демократии» (с. 363). После битвы при Херонее жалоба на противозаконие превращается исключительно в средство политической борьбы (с. 383 сл.).

В главе VII «Афины в IV в. до н.э. – суверенитет собрания и демоса или суда и законов?» Т.В. Кудрявцева на конкретных примерах показывает, что для афинских судей абстрактная справедливость (которую они сами могли интерпретировать) значила много больше норм закона. «Полагаясь на свое чувство справедливости больше, чем на внешний авторитет, пусть даже авторитет закона, судьи показывали, что при демократии высшей властью является воля народа» (с. 401). Автор решительно отвергает концепцию эволюции афинской демократии «от власти народа к власти закона» (М. Оствальд, М. Хансен) и приводит достаточно весомые аргументы в пользу того, что афинская демократия IV в. до н.э. основывалась совсем не на законах: подтверждением тому можно считать великое множество постановлений (псефизм), принятых народным собранием. Следует, впрочем, отметить, что многие современные ученые (П. Родс и др.) уже давно поставили под сомнение взгляды М. Оствальда и М. Хансена.

Основываясь на классификации российского философа В. Вольнова (с. 428 сл.), автор совершенно справедливо отказывается возводить генеалогию современной, представительной демократии к афинской, прямой, и солидаризуется с мнением древних философов о том, что прямая демократия – это разновидность автократии (поскольку демос безответственен) и родственна тирании и олигархии (с. 429). С этой точкой зрения можно согласиться, впрочем, с важной оговоркой: сравнение древней демократии с современной антигисторично. Может быть, проще и естественнее сравнивать ее с персидской монархией или государственным строем Спарты, и тогда афинская демократия не покажется столь уж кровавадной.

В кратком заключении автор делает вывод, что «не «царство закона» наблюдаем мы в афинском народном суде, а «...царство процедуры, хитроумных ухищрений, проволочек, превращающих судебную тяжбу (при желании) в пожизненное занятие... В данном историческом феномене нам видится пример гармоничного дополнения и эффективного симбиоза афинского национального характера... и афинского государственного строя – прямой демократии» (с. 444).

Книга Т.В. Кудрявцевой – значительный вклад в изучение истории классических Афин. Конечно, можно было бы порекомендовать автору рассмотреть вопрос о том, влиял ли приговор третейского судьи на решение дикастов (с. 109), а «кровавадные чаянья» обвинителей (с. 351) поставить в контекст «кровавадного века», когда вероятность гибели на войне для гражданина была достаточно высокой. С точкой зрения автора не всегда можно согласиться, но она всегда

заслуживает уважения благодаря фундированности, опоре на источники и широкому охвату научной литературы.

Т.В. Кудрявцевой удалось препарировать текст Аристофана, выделить и подвергнуть анализу все пассажи, касающиеся суда и судей. Вообще поражают скрупулезность источниковедческого анализа, глубокое знание литературы вопроса. У автора есть своя, причем глубоко аргументированная, точка зрения по всем затрагиваемым вопросам.

Исследование Т.В. Кудрявцевой – это полноценная *reference book* по афинскому народному суду классической эпохи, но не энциклопедически-нейтральная, а содержащая авторский взгляд на многие дискуссионные проблемы. Без этой книги уже невозможно изучение истории и афинского народного суда, и афинской демократии в целом.

С.Г. Карнюк

© 2009 г.

АНТИЧНЫЙ МИР В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

(Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. 512 с., илл.; *Rex Romana* – Римский мир. Фотографии и рисунки Максима Атаянца. Каталог выставки. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР). Москва, февраль–март 2008 г. М., 2008. 379 с., илл.)

Со времен Геродота, по крайней мере, ремесло историка предполагает визуальное знакомство автора с предметом повествования. «До сих пор я рассказывал о том, что видел своими глазами, руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично», – говорит историк из Галикарнасса в середине своего рассказа о Египте (II. 99). Принцип «лучше один раз увидеть» оставался действенным и в прошлом столетии – достаточно вспомнить А. Тойнби или М. Ростовцева, не мысливших свое творчество без путешествий по античным руинам, без посещения памятников и музеев. «Я люблю видеть вещи, которые я изучаю», – писал М. Ростовцев из Индии в 1937 г. своему другу Ф. Кюмону, который сам был заядлым путешественником – первооткрывателем малоазийских и сирийских древностей¹. По моему убеждению, этот принцип актуален и сегодня: занимающийся прошлым историк должен своими глазами видеть артефакты этого прошлого, чтобы лучше представлять его картину в целом. Причем лучше их видеть «живьем», хотя в наш век виртуальных и цифровых технологий часто довольствуются компьютерными или книжными иллюстрациями. Именно о последних и пойдет речь ниже.

Появление каталога о наследии эпохи Александра Македонского и эллинизма по материалам выставки «Александр Великий. Путь на Восток», проходившей в Эрмитаже с 14 февраля по 1 мая 2007 г., – заметное событие в отечественной научной и культурной жизни. Пожалуй, впервые в России была организована столь масштабная экспозиция, посвященная эллинизму (традиционно не самому популярному разделу в нашей историографии), а ее роскошный каталог, – пожалуй, самая полная на сегодня подборка памятников эллинистического (и не только) времени, которые хранятся в Эрмитаже. Действительно, впечатляют размах и широта, демонстрируемые устроителями выставки (в составлении каталога приняло участие более ста человек), собравшей свыше 500 экспонатов, многие из которых публикуются в каталоге впервые. Хронология экспозиции выходит далеко за рамки собственно эллинистического времени, охватывая более чем двухтысячелетний период с VI века до н.э. по XIX век, а ее география простирается от Западной Европы до Монголии, от России до Египта и Индии – намного шире, чем ареал эллинистической ойкумены.

¹ См. *Mongolus Syrio salutem optimam dat. La correspondance entre Mikhail Rostovtzeff et Franz Cumont* / Ed. G. Bongard-Levine, C. Bonnet, Yu. Litvinenko, A. Marccone. P., 2007. P. 7, 216.

Такой взгляд на эллинизм обоснован концептуально. Как сказано в аннотации к альбому, «каталог посвящен Восточному походу Александра Великого и его последствиям для Востока и Запада... В фокусе внимания исследователей – историческая роль Александра для судеб Западной Европы, России и Востока, эллинизм как глобальный процесс взаимодействия культур». Расширительную трактовку эллинизма как исторического явления с далекими культурными последствиями чуть ли не для всего Старого Света и романтическую (восходящую к У. Тарну, если не к самому Плутарху) интерпретацию фигуры Александра как первого «глобалиста» в истории, объединителя народов и миров, мы найдем в предисловии М.Б. Пиотровского: Александр стал «...символом конфликта культур, приведшего к хорошим результатам... Сегодня мир, объединенный некогда Александром, стремительно разъединяется, и нам полезно вспомнить, что глобализация не всегда бывает уродливой» (с. 5) и в вводной статье Э.Д. Фролова, который полагает, что пришло время дать обобщающее определение эллинизма, и определяет его как «...вид глобализационного процесса, навязанного греческим Западом афро-азиатскому Востоку, вид форсированного взаимодействия, имевшего результатом, впервые в истории человечества, создание на известный период времени универсальной политической системы» (с. 11).

Можно соглашаться или спорить с подобными формулировками (мне лично они кажутся сомнительными, как и любые другие попытки героизации Александра Македонского и обобщающих дефиниций понятия «эллинизм»; работы последних десятилетий показывают, что более плодотворный путь – продолжать исследовать это понятие в рамках описательного дискурса²), однако нельзя не заметить присутствующую в них конъюнктурную политическую подоплеку, которая, к сожалению, снижает их научную ценность. Видимо, не случайно выставке об Александре Великом предшествовали петербургский саммит «большой восьмерки» и другая эрмитажная выставка – о российском императоре Александре I, названном так, по словам М.Б. Пиотровского, «...в честь св. Александра Невского, защитника России от западной агрессии, и Александра Македонского, покорителя миров» (с. 5). Не может не вызывать возражения и вытекающий из «глобалистской» концепции вывод о том, что «...в эпоху эллинизма греческий художественный стиль стал универсальным. Так была рождена и воплотилась в жизнь идея культурного единства мира, которая явилась главным последствием Восточного похода македонского царя»³. Этот в сущности дройзеновский тезис был пересмотрен еще в прошлом веке в работах таких выдающихся исследователей, как М. Ростовцев и К. Прео, и в современной литературе преобладают совсем другие оценки той эпохи, в них говорится о гетерогенности эллинистической культуры и общества, о мощных восточных пластах и традициях, об изолированности греческих анклавов в чужеродной местной среде, об узости зон взаимодействия, о постепенной ориентализации эллинской цивилизации и т.д.⁴ Сама экспозиция, демонстрируя поразительное разнообразие художественных стилей и форм, опровергает идею об универсализме греческой культуры и скорее заставляет усомниться в ее триумфальном шествии на Восток. Попутно замечу, что подзаголовок альбома – «Путь на Восток» – не совсем точно передает «глобалистскую» идею выставки, поскольку собственно «восточному наследию» эллинизма здесь уделено меньше места, чем памятникам античных Греции и Рима, а также Европы и России нового времени. В этой связи присутствие слова «Запад» в названии книги было бы также вполне уместным.

Каталогу предшествуют, помимо вышеупомянутых предисловия М.Б. Пиотровского и введения Э.Д. Фролова (с. 5–13), очерки М.М. Дандамаевой о предыстории контактов греческого ми-

² См., например, две недавние обобщающие работы: Shipley G. The Greek World after Alexander, 323–30 BC. L.–N.Y., 2000; A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Oxf., 2003. В них мы не найдем каких-либо попыток дать суммарное определение феномена эллинизма. Звучащие в них выводы противоречат утверждению Э.Д. Фролова (с. 11) о том, что признаками универсальной политической системы и единой цивилизации в эпоху эллинизма были примат территориального государства над полисом, монархии – над республикой, упадок гуманитарных наук и т.д.

³ См. www.hermitagemuseum.org/html_Ru/04/2007/hm4_1_154.html. Cp. сайт российских музеев www.museum.ru/N30016: в рубрике «Новости и афиша музеев России» размещен анонс под заголовком «Идем на восток... Выставка, посвященная Александру Великому в Эрмитаже», где, в частности, читаем следующее: «Греческая культура, идя след в след армии Александра, завоевывала мир. Так пусть и на короткое время, на Востоке и на Западе реализовалась мечта о культурном единстве мира, столь часто посещающая умы наших современников». В таком духе о походе Александра могли написать историки XIX в.

⁴ Помимо упомянутых в прим. 2 работ см. также Préaux C. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient 323–146 av. J.-C. T. 1–2. P., 1978; Walbank F.W. The Hellenistic World. L., 1981; Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley–Los Angeles, 1990, и др.

ра с Востоком (с. 14–18), А.А. Трофимовой (куратора выставки и научного редактора издания) об образе Александра в античном искусстве (с. 19–28), А.Ю. Алексеева о контактах Македонии с северными кочевниками (с. 29–33), М.Б. Пиотровского о теме Александра в коранической традиции (с. 34–36), А.В. Ипполитова об образе Александра в западноевропейском искусстве (с. 37–48) и Д.А. Никитина, Ю.Б. Балахановой и М.Н. Химиной о «русской Александрии» (с. 49–55).

Каталог, которому в книге отведено центральное место (с. 64–483), состоит из трех частей. Первая, самая большая, посвящена искусству классической Греции и ее варварской периферии, эллинистического Средиземноморья и Востока, греко-римского и коптского Египта, ахеменидского Ирана, древней Индии и Центральной Азии, а также Византии и исламского Востока (№ 1–438). Во второй части рассказывается об истории образа Александра в западноевропейском и русском искусстве от средневековья до нового времени (№ 439–489). К ней примыкает небольшая третья часть, посвященная «Роману об Александре» в западноевропейской литературной традиции (№ 490–505). Каждый раздел предваряется вступительным очерком, фотография каждого экспоната сопровождается комментарием с указанием соответствующей литературы. Издание дополнено глоссарием (с. 484–487) и подробной библиографией (с. 488–506).

Структура и содержание каталога вызывают ряд вопросов. Почему интереснейшая византийская коллекция оказалась включенной в античный раздел? Стремление преподнести Византию как «последнее эллинистическое государство» (с. 349) некорректно уже хотя бы с точки зрения хронологии, а заголовок соответствующего раздела «Византия – третий мир античности» звучит, по меньшей мере, двусмысленно и загадочно (каковы первые два?). Более логичным представляется включение византийских экспонатов (№ 387–436) во вторую часть каталога, посвященную рецепции античности в искусстве позднейших эпох. То же касается и нескольких иранских миниатюр XV–XVI вв. – иллюстраций к поэме «Хамсэ» Низами, изображающих деяния Александра (№ 437–438). Обращает внимание (учитывая тотальный характер концепции выставки) отсутствие в каталоге сасанидских памятников, которые могли бы добавить любопытную информацию к проблеме сложных взаимоотношений античной цивилизации с Востоком. Наконец, непонятно, почему тема литературной «русской Александрии», заявленная во введении, не нашла отражения в каталоге.

Вкратце остановлюсь на первой – античной – части каталога. Поражает разнообразие ее экспонатов: керамика, скульптура, ювелирные украшения, монеты, предметы вооружения, изделия из серебра и бронзы, архитектурные фрагменты, рельефы, камеи, инталии, росписи, папирусы, ткани и др. Многие вещи уникальны (например, скифское золото, эллинистические статуэтки, фаюмские портреты, коптские ткани, греко-бактрийские монеты, росписи из Крыма и Средней Азии и др.), некоторые из них – выдающиеся шедевры (например, камея Гонзага). Их великолепное собрание в одном альбоме – настоящий подарок не только для специалистов, но и для всех любителей прекрасного. При публикации столь большой подборки разных по характеру памятников, разумеется, не могло обойтись без недочетов и ошибок. Разделы первой части составлены в соответствии с хронологическим и географическим принципами – от классической эпохи до исламского времени и от Средиземноморья до Центральной Азии, однако это правило соблюдается не всегда. Так, большинство монет раздела «Средиземноморье в эпоху эллинизма» (№ 195–214) датируется VI – началом IV в. до н.э., и их следовало бы поместить в раздел «Классическая Эллада». Говоря о монетах, нельзя не отметить и отдельные неточности в транскрипции и переводе легенд (№ 331–334, 336, 345). Идентификация некоторых экспонатов спорна и проблематична, но издатели не всегда это комментируют, так что остается гадать, почему № 222 – статуя Исиды, № 249 – портрет Арсинои III, № 365 – терракотовая головка Александра и т.д. Трудно согласиться с рядом утверждений авторов. Например, явное преувеличение – слова о том, что в ходе восточной кампании Александр основал более 100 городов (с. 19) – А.А. Трофимова некритически повторяет этот ничем не подтверждаемый тезис античной традиции. Спорно и основанное на таком ненадежном источнике, как эпистома Юстина, умозрительное заключение А.Ю. Алексеева о том, что поражение Зопириона от скифов в 331–330 гг. до н.э. «обрадовало» Александра, поскольку открыло ему путь в Индию – «...ведь в случае удачи Зопириона пришлось бы вопреки желанию царя претворять в жизнь глобальный стратегический замысел соединения войск Зопириона и Александра в глубине скифских степей» (с. 32). Не могу также согласиться с М.М. Дандамаевой, полагающей, что военная колонизация Фаюма наблюдалась уже в самом начале птолемеевского правления в Египте, т.е. в конце IV в. до н.э. (с. 244). Имеющиеся в распоряжении папирусные источники позволяют ее датировать временем не ранее 70–60-х годов III в. до н.э., или эпохой Птолемея Филадельфа. Среди фактических ошибок отмечу информацию о том, что монументальную гробницу на Немрут Даге возвел пра-

витель Коммагены Антиох III (с. 137), – в действительности ее строителем был его предшественник Антиох I Теос.

Я не буду останавливаться на второй и третьей частях каталога, которые требуют специальной искусствоведческой и литературной подготовки. Отмечу лишь, что мне показалась чрезвычайно интересной тема пропаганды мифа об Александре Македонском в придворном искусстве экатерининской поры, когда российские политики лелеяли «греческий проект» (№ 439–441). С другой стороны, включение в каталог итальянских шлемов и щитов XVI в. с изображениями подвигов Геракла, а не македонского царя (№ 476–484), кажется искусственным. Наивно и несколько анахронично звучит следующий комментарий к картине итальянского художника XVIII в. Пьетро Антонио Ротари «Александр Македонский и Роксана» (№ 445): «Стремясь снискать расположение персидской знати, Александр вступил с Роксаной в брак. Так союз между Элладой и Востоком был скреплен союзом двух любящих сердец» (с. 396). Отдельные ошибки присутствуют в кратком списке основной литературы об Александре на с. 506, где упоминается некто «Wilken M.», – разумеется, речь идет о немецком историке У. Вилькене (U. Wilcken), авторе классической работы о македонском царе. Станным выглядит включение в этот список избранных работ монографии Г.А. Кошеленко «Греческий полис на эллинистическом Востоке» (М., 1979) и очерка Э.Д. Фролова «Панэллинизм в политике IV в. до н.э.» из книги «Античная Греция» (Т. 2. М., 1983). Обе работы, безусловно, замечательные, но в фокусе их внимания – вовсе не Александр Македонский!

Критические замечания в адрес вышедшей книги, разумеется, не снижают ее общей культурной значимости. Просматривая иллюстрации эрмитажного каталога, одни найдут в нем подтверждение того, что эллинистический мир был бесконечно разным, а другие – на примере Александра Великого и его похода на Восток, воспетых как современниками, так и отдаленными потомками, – увидят мосты, соединяющие эллинизм с нашим временем.

Вторая рецензируемая книга тоже состоит из иллюстраций, которые дают не менее ценную и уникальную информацию об античной цивилизации. Альбом фотографий и рисунков Максима Атаянца «Римский мир», изданный по материалам одноименной выставки, проходившей в московском Музее архитектуры им. А.В. Щусева с 14 февраля по 25 марта 2008 г., посвящен архитектурным памятникам восточных и африканских провинций Римской империи эпохи ее «золотого века». Автор, профессиональный архитектор из Санкт-Петербурга, в 2005–2007 годах совершил путешествия по Сирии, Ливану, Иордании, Ливии, Тунису, Алжиру и Марокко, где посетил ряд античных памятников, включая труднодоступные и малоизвестные, сфотографировал и зарисовал их, снабдив рисунки своими заметками на полях. Эти материалы и легли в основу выставки и альбома. В средствах массовой информации событие не нашло должного освещения, а выставочные залы пустовали (показатель культурного уровня современной российской публики), хотя, по признанию экспертов, это была одна из лучших выставок музея за последние годы⁵.

Эксперимент М. Атаянца – редкий сегодня пример совмещения «ученого путешествия» (в духе традиций прошлого, когда просвещенные европейцы, путешествуя, изучали древние развалины) и актуализации античности практикующим архитектором, известным своими подражающими классике проектами. В одном из интервью он прямо говорит об этом: «Моей задачей было не включиться в звучный хор восхваления хитов, а актуализировать все явление, называемое Античностью. В том числе вернуть в культурный обиход памятники, многие из которых после крушения Рима были выключены из культурного контекста»⁶. В результате в снимках и рисунках автора соединились интерес просвещенного человека, любящегося экзотическим памятником, и профессионализм специалиста, которому интересны мельчайшие детали. М. Атаянец – талантливый фотограф и рисовальщик, некоторые его снимки – настоящие произведения искусства (см., например, романтические виды ливанской Факры или выразительные головы Медуз из Лептис Магны – XLII–XLIV, CIV–CIX), а рисунки точны и стилистически изысканны.

Стилизация под старину присутствует и в географической номенклатуре альбома, чьи карты, по всей видимости, позаимствованы из старых карт Римской империи с их латинскими названиями провинций и городов. Сразу же отмечу, что белым пятном на карте альбома остаются Турция, Израиль и Египет. Возможно, путешествия М. Атаянца туда (а в идеале еще и в страны Европы, чтобы обозреть весь круг земель Pax Romana) – дело будущего.

⁵ См. *Титаренко Е.* Обломки империй. «Римский мир» Максима Атаянца в Музее архитектуры // Культура. № 08 (7621) от 28 февраля – 5 марта 2008 г.

⁶ Цит. по электронному варианту журнала «Русский антиквариат» от 13 февраля 2008 г. (www.antiq.info/news/news_and_announcements/10374.html).

В подготовке издания также участвовали искусствоведы Г. Ревзин и В. Седов (куратор выставки), авторы предисловия и послесловия к альбому, но я не стану разбирать их достаточно вольные (и спорные) эссе и выскажу лишь сожаление, что к участию в проекте не пригласили профессиональных антиковедов.

В альбоме опубликованы 202 фотографии и 35 рисунков, запечатлевшие свыше 100 памятников из примерно полусотни городов и поселений. В Сирии это Апамея, Пальмира, Бостра и Калат Семан (базилика св. Симеона Столпника). В Ливане – Тир, Бейрут, Маждель Анджар, Ниха, Баальбек, Факра, Анджар и Хермель. В Иордании – Гераса и Петра. В Ливии – Птолемида, Кирена, Латрун, Триполи, Сабрата, Лептис Магна и Гирза. Больше всего памятников автор посетил в Тунисе и Алжире: Аммедара, Циллиум, Ассурас, Мактарис, Дугга, Суфетула, Эль-Джем, Булла Региа, Тубурбо Майюс, Карфаген, Загуан, Сбейгла, Хайдра, Мусти, Тебесса, Константина, Тиддис, Диана Ветеранорум, Тимгад, Ламбезис, Медрасен, Тибилис, Джемиля, Типаза и Зана. В Марокко – Волюбилис и Рабат.

Не все памятники, попавшие в поле зрения автора, датируются римским временем, хотя большинство их было основано или перестраивалось именно в I–III вв. Провинции империи возникали на месте более древних государств и культур, римский мир существовал вплоть до прихода Византии и арабов, поэтому на примере имеющихся памятников мы имеем дело не с одной, а с несколькими цивилизациями: эллинской, эллинистической, сирийской, финикийской, набатейской, пунической, нумидийской, мавретанской, римской, византийской и даже арабской. Разнообразны и типы памятников, запечатленные М. Атаянцем: городские площади и улицы, форумы и рынки, театры и гимнасии, храмы и святилища, гробницы и мавзолеи, дворцы и виллы, колоннады и портики, арки и термы. О многообразии римского мира эпохи Антонинов свидетельствует сам перечень городов, которые посетил автор: эллинистическая Апамея и «караванные города» Пальмира и Петра, древнегреческая Кирена и пунический Карфаген, римская военная колония Тимгад и храмовый центр в Баальбеке. Альбом дает наглядное представление об этом многообразии и может быть ценным руководством не только для студентов архитектуры (особо отмечу детальные архитектурные комментарии М. Атаянца на полях его рисунков), но и для историков, изучающих античность.

К сожалению, не обошлось без отдельных неточностей и ошибок в подписях к иллюстрациям, упомяну некоторые из них. I–VI: центральную улицу Апамеи следует называть «Большой колоннадой», а не «Колонной улицей». XII: место пересечения главных улиц Пальмиры – «Тетрапилон», а не «Тетракион». XLVI–XLVII: в ливанском Анджаре (древней столице итуреев Герре) находился дворец Омейядов, построенный в VIII в. на месте античных руин с использованием, как это было принято у первых арабских правителей, более ранних (в данном случае византийских) строительных материалов и приемов. Поэтому, полагаю, речь здесь идет об омейядском, а не византийском дворце. LXXIII–LXXIV: следовало бы упомянуть, что храм Аполлона в Кирене (у автора – Аполлона Основателя, хотя, согласно легенде, основательницей города считалась нимфа Кирена, возлюбленная Аполлона) датируется VII в. до н.э., многократно перестраивался, в том числе и в римскую эпоху. CXXXII: на мой взгляд, перед нами – неопунический, а не римский мавзолей в Мактарисе (ср. аналогичный мавзолей в Дугге). CLI–CLV: автор неверно называет виллу Охоты в Булле Регии «домом Охотника (Рыбной ловли)». Дома Охоты и Рыбной ловли, названные так по найденным в них мозаикам, – две разные виллы II–IV вв. Наконец, Мавретания Тингитанская, а не «Тангетанская», как у автора.

Главная ценность альбома М. Атаянца – его замечательные иллюстрации, знакомство с которыми, пожалуй, дает больше для понимания столь далекого от нас, загадочного и прекрасного мира античности, чем чтение некоторых претендующих на ученость книг. Автор не скрывает своего восхищения увиденным и одновременно пытливо и внимательно рассматривает и фиксирует его, пытается постичь, побуждая к этому и нас. Свой альбом он завершает рисунком барельефа с Океаном (XXXV), увиденного в музее в Рабате, и следующим комментарием к нему: «... первый раз, когда я вижу край империи, то есть римлян за Геркулесовыми столбами, на берегу океана... И тут вдруг вижу: вот, собственно, Океан... Это явление Титана в бурлящем море в виде водоворота на его поверхности, когда по периферии бурлят волны, спирально закручиваясь, а в середине образуется почти спокойная зона с мертвой зыбью. Здесь все это передано великолепно, причем практически без натуралистических деталей. Только среди локонов-волн играют рыбы и дельфины, а по лицу идет рябь... Не знаю даже, почему я придаю этой скульптуре такое значение. Видимо, совпало время, место, настроение и т.д. Но что-то в ней есть настолько важное, что я этого пока не понимаю». Чтобы убедиться в справедливости этих слов и попытаться самому разгадать тайну римского Океана, надо открыть альбом и взглянуть на рисунок.